

Достойной цели в жизни не имел я
И путного не сделал ничего.
И значит, ничего мне не осталось,
Как прогулять остаток дней своих.

Конечно, эта гедонистическая бравада на склоне лет — не единственный вывод, к которому пришел поэт, оглядывая пройденный путь. Чон Чхоль бесконечно любил свою родину и бескорыстно служил ей. Но отечество в его сознании не отождествлялось с королевским дворцом — хотя, будучи сыном своего времени, поэт разделял и его этику, требовавшую верности и подчинения государю. Родина для Чон Чхоля — это земледелец с мотыгой, пастух, возница, плотник, хозяин постоянного двора, словом, сам народ, а не те, кто им правит:

Сказал его величество король,
Что стану я великим человеком.
Но этого совсем не надо мне —
Останусь среди людей обыкновенных.

Судьбы этих людей всегда оставались подлинным смыслом забот и тревог поэта. Больше всего на свете он хотел, чтобы обыкновенные корейцы были счастливы, жили без раздоров и войн, обрели душевный покой. Нравственным идеалом для Чон Чхоля всегда оставались независимость духа, искренность и честность. Можно представить, какого напряжения воли и личного мужества требовало осуществление этого идеала на практике, когда сутью придворной жизни, окружавшей Чон Чхоля, были угодничество и двоедушие, ложь и лесть:

Чихни, чтоб даже носу стало больно,
Лишь так улыбку ластивую стряхнешь.
Когда же ты правдив наполнишь,
Тогда, увы, любовь уйдет вся!
Покамест молодое вино, запомни:
Честь береги и прямодушен будь.

О себе, о времени и современниках Чон Чхоль рассказал в поэзии, о которой в старинном историческом памятнике «Летопись правления короля Сонджо» сказано: «Стихи... его возвышенны и радостны, подвижны и стремительны. Стиль письма его искусный и свободный». Стихи, составившие изданный на русском языке томик, взятые из сборника «Сонган каса» (вышедшего на родине поэта более двух столетий назад) и переведены Александром Жовтисом, который уже многие годы работает над поэтическим воссозданием корейской лирики для нашего читателя.

М. МИХАЙЛОВ

КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

Чарлз Роберт Метьюрин. Мельмот-скиталец. Перевод А. М. Шадрина. Общая редакция, статья и примечания М. П. Алексеева. Ответственный редактор М. П. Алексеев. Ленинград, «Наука», 1977.

Все, связанное с этой книгой, необычно: облик героя, судьба автора, история его романа и славы.

Автор статьи (по сути, это глубокое и основательное исследование) академик М. П. Алексеев убедительно показывает, что Мельмот во многом близок великим героям Гёте, соединяя в себе фаустовское и мифистофелевское начала, дух вечного искания и дух отрицания, жажду познания, творчества — и насмешку над всем принятым, веками почитаемым, над нравственной системой, «которая считает себя непогрешимой и самой справедливой, но на деле является самообманом, питающимся несостоятельными иллюзиями».

История «Мельмота» (1820) предстает перед нами сегодня как замечательное культурно-историческое явление, в котором переплетаются просветительские и романтические традиции. В этом смысле поучительны параллели, установленные М. П. Алексеевым между обличительными тирадами героя по адресу правителей, насильственно навязывающих народам свою непросвещенную и злобную волю, и многочисленными выпадами Джонатана Свифта, между знаменитой «Монахиней» атеиста Дидро и романом Метьюрина. К этим параллелям можно было бы добавить аналогии с не менее прославленными страницами философских романов Вольтера, бьющих по корыстолюбивой жестокости, по безумию разрушительной войны и оправдывающему ее фанатизму.

Сображения М. П. Алексеева о просветительской основе идеологии Метьюрина сочетаются с не менее важными аргументами «в пользу» принадлежности его творения к романтическому направлению в литературе. Сам романтизм соединяет в себе острую критичность и в то же время преемственность по отношению к идеям Просвещения и благодаря этой двойственности достигает особенной глубины и многосторонности — так и в романе Метьюрина заключена скрытая полемика с жестким рационализмом просветителей, их неприятием «миров иных», но еще больше — собственное им возмущение религиозной и особенно церковной догматикой, изуверством и узаконенной несправедливостью.

Сложность «Мельмота», противоречивость скрестившихся в нем течений и устремлений, с одной стороны, и таинственное могущество заглавного персонажа — с другой, были главной причиной его влияния на европейскую литературу на всем протяжении XIX века. Немалую роль сыграл и отразившийся в романе облик автора, его порывистость, страстность, волнующая неровность его стиля. Исполненная гражданственности риторика соседствует с меланхолическими размышлениями, язвительная насмешка — с высренней сентиментальностью и ужасными картинами мучений бедняков, в чреве которых голод подобен горящему угляю, в то время как за стеной веселятся праздные и равнодушные богачи.

Переменчивости тона соответствует и непоследовательность рассказа. История необыкновенного человека вставлена в рамку обыкновенной истории бедного молодого

человека, Джона Мельмота, приехавшего в глухую ирландскую деревушку к смертному одру богатого дяди-скряги. Из обнаруженной им рукописи и рассказа потерпевшего кораблекрушение знатного испанца, которого приютил юноша, он узнает судьбу своего отдаленного предка Джона Мельмота, скитавшегося 150 лет и погибшего в морских волнах.

Обреченный «творить зло против воли» Мельмот полон ненависти к злу в его конкретных земных воплощениях и презрения к неразборчивой, не ведающей сомнения доброте. По силе мысли и отрицания герой этот близок к великим умам Просвещения — и их романтическим критикам, разуверившимся в способности человека постигнуть вселенную и подчинить себе ее хаос. Неудивительно, что подобный герой, не менее чем его родные братья: Фауст и Мефистофель, Манфред и Каин, — должен был тем сильнее действовать на читателей, что, неся страдания другим, он и сам глубоко страдает и таким образом сохраняет человечность в самой своей бесчеловечности. Эти страдания равно отражают трагический опыт эпохи и самого автора. Парадоксально, но эту странную, дерзкую книгу написал в самом сердце католической Ирландии священник-протестант и вольнодумец, на которого церковное начальство смотрело так же косо, как в свое время на его предшественника Джонатана Свифта.

Замученный непосильным трудом, лишениями и заботами, Метьюрин умер на сорок пятом году жизни, а его «Мельмот» по сей день продолжает свои скитания.

Судьба любой выдающейся книги представляет собой одну из увлекательнейших историко-культурных проблем. В 1820-е годы «Мельмот» быстро завоевал славу у себя дома и в чужих краях, пленяя как читателей наивных, простодушно ему дивившихся, так и искусственных, проникавших в сложность авторского замысла. Ему отдали дань восхищения Скотт, Байрон, Стивенсон, Уайльд, Гюго, Де Виньи, Балзак, Бодлер, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Ирвинг, Готорн и По.

Причины влияния одного произведения на другие гораздо более загадочны, чем тайна рокового скитальца. Снова и снова возникает вопрос, как и почему талант скромный может воздействовать на талант гораздо более сильный и почему книга после долгих лет забвения может воскреснуть вновь (именно так случилось с «Мельмотом»: внимание к нему заглохло к концу XIX века и пробудилось во второй половине XX, вызвав, в духе времени, многочисленные научные издания в переводе и подлиннике).

Разгадку, по-видимому, следует искать в том, что произведение, хотя бы и не свободное от недостатков, но написанное так, что в нем отразился век в многообразии его трудных вопросов и трагических конфликтов, способно к новым и новым рождением в самые различные эпохи. Обычно это происходит тогда, когда люди оказываются перед лицом общественного или мо-

рального кризиса, требующего от них напряжения духовных сил и деятельных поисков. И, сравнивая свой опыт с опытом прошлых поколений, переживавших, пусть в иной форме, аналогичную душевную ломку, они стремятся проникнуть в искусство, запечатлевшее и по-своему преобразившее этот опыт. Вот тут и возникают необъяснимые на первый взгляд воздействия, подобные усвоению античности французскими классицистами, литературы Ренессанса — романтиками европейских стран, английских метафизиков XVII века — поэтами современной Англии, Мельмота — Достоевским, а теперь, через столетие, — западными читателями.

В нашей стране «Мельмот» появляется впервые в полном, достоверном, подлинно художественном воплощении. Впервые в статье М. П. Алексеева он получает философское, историческое, литературоведческое истолкование — впервые выступает на международном фоне, на фоне своей эпохи, со всеми переплетениями ее противоборствующих сил. Обстоятельные, насыщенные любопытнейшими сведениями комментарии М. П. Алексеева реконструируют черты миновавшего в его яркости и неповторимости.

Благодаря сопоставлениям, проделанным ученым, вносятся новые оттенки и в наше представление о развитии русской литературы. Пушкин называл «Мельмота» гениальным и под свежим впечатлением от прочтения его внес черты «мельмотизма» в стихотворение «Мой демон» (1823). Воздействие романа Метьюрина, и в частности его «Рассказа испанца», прослеживается в поэме Лермонтова «Исповедь» (1830) и его драме «Испанцы»; некоторые аналогии отмечали литературоведы между героем «Мельмота» и образами Печорина и Демона. Черты скупого Мельмота-старшего приданы гоголевскому Плюшкину; в его «Портрете» воскресают детали описания портрета в романе Метьюрина. Достоевский вспоминал «Мельмота», когда работал над «Бесами» и особенно над «Легендой о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых».

Частные наблюдения М. П. Алексеева ведут к важным теоретическим выводам о природе литературного влияния, его причинах и границах, его подчиненности интересам и запросам литературы воспринимающей. Драматизм истории русского общества, его противостояния самодержавной власти и всяческому гнету сделал русских писателей особенно чувствительными ко всему, что дышало сочувствием к страдающей, мыслящей и борющейся личности. «Мельмот» был близок русской читающей публике и своим высоким этическим пафосом: показывая, как героически противятся искушению все те, кого пытаются соблазнить скиталец, показывая, что ни пытки, ни голод, ни заточение, ни ожидание мучительной и позорной казни не могут заставить их последовать примеру опасного собеседника, Метьюрин, по мнению

М. П. Алексеева, утверждает нравственную стойкость человека, его приверженность к чести и добру.

Благодаря статье и примечаниям М. П. Алексеева «Мельмот» раскрыт для читателей нашей страны как произведение во многом уникальное и вместе с тем как часть сложного и бесконечно интересного целого — художественной культуры одного из периодов расцвета европейской образованности. Неумолимая любознательность, всегда побуждавшая академика Алексеева идти новыми, неизведанными путями, обращается к тому, что еще (или уже давно) ничьих глаз не привлекало, решаться на неожиданные сопоставления, обнаруживающие глубинную связь вещей, с блеском проявилась в рецензируемой книге.

Вопреки принятому взгляду на «Мельмота» как произведение эпигонское, как последыш «готического романа» М. П. Алексеев неоспоримо доказал принадлежность романа Метьюрина эпохе зрелого романтизма. Действительно, писателя связывает с нею болезненно острая реакция на социальные бедствия, смелость литературных исканий, интерес к диалектике души, бурный индивидуализм его персонажей, пренебрегающая условностями раскованность поэтической речи, зачатки реалистического мастерства, как известно, рождавшегося в недрах романтизма, доверие к чудотворному действию воображения, ощущение всеобщей связи вещей, их неумолимого хода, не подвластного сознательному выбору человека.

Раскрыть связь «Мельмота» с романтической литературой очень важно для его понимания, но еще важнее для понимания романтического движения в целом. На его примере обнаруживается закономерное для многих романтиков переключение из мира реальности в мир фантастических, апокалиптических видений — даже проникательные люди той поры, когда в крови и муках рождался новый век, воспринимали поток бурных изменений как проявление роковых, непостижимых сил. То, что при изучении вершин современной Метьюрину поэзии казалось единственным, индивидуально присущим тому или иному великому мастеру, как бы подтверждается и проясняется в сочинении автора несколько меньшего масштаба.

Так, исследователи всегда отмечали у Байрона поражающее сочетание мировой скорби, демонизма и наемешки. В «Мельмоте» Метьюрина мы читаем: «Искуситель, казалось, был смущен; на какое-то мгновение его охватило незнакомое ему чувство; но потом губы его искривились в усмешке, которая была исполнена презрения к самому себе; казалось, он упрекал себя за то, что пусть даже на мгновение поддался заговорившему в нем человеческому чувству... казалось... человек этот сам раздираем душевной мукой и ищет в то же время себе забавы в муках другого».

Как и у Байрона, изображение любви у Метьюрина неотделимо от изображения природы, естественного ее фона, невольного посредника «между нами и нашими чув-

ствами». Черты вечного странника, навеки расставшегося с иллюзиями и мечтами, прищипки и «паломнику» Чайльда Гарольду, и «скитальцу» Мельмоту. С Байроном связаны и подчинение повествовательного начала лирическому и, соответственно, лирический по преимуществу, повышенно экспрессивный, гиперболический стиль романа.

Можно было бы — и в известных пределах следовало бы — объяснить приведенные параллели влиянием на Метьюрина Байрона, ко времени появления «Мельмота» уже опубликовавшего «Чайльда Гарольда», все восточные повести и большую часть своих лирических стихов. Но в некоторых случаях Метьюрин предвосхитил отдельные мотивы и картины Байрона, например, «Канна» и «Неба и земли». Поэтому справедливо было бы сослаться не столько на влияние, сколько на общность тем и настроений, объединявших выдающихся литераторов тех лет.

Менее явное, но столь же бесспорное взаимодействие устанавливается между Метьюрином и его покровителем Вальтером Скоттом. Так, одна из вставных новелл «Мельмота» — повесть об аристократическом семействе, трагически разделенном гражданской войной 1642—1649 годов, — очень близка исторической тематике Скотта. Сближает обоих писателей также достоверное, точно локализованное описание национально-специфического быта — Ирландии у Метьюрина и Шотландии у Скотта; оба писателя широко используют фантастические и фольклорные мотивы, которые в романтическую эпоху приобрели эстетическую ценность. Нет сомнения, что Метьюрин учитывал опыт Скотта-поэта и Скотта-прозаика, но и сам в свою очередь оказал на него воздействие. Есть нечто общее у Метьюрина и с такими крупнейшими поэтами английского романтизма, как Кольридж, Саути, Мур, Де Квинси, Вордсворт.

Соединение в одном романе столь разнообразных черт и проявлений английской романтической литературы свидетельствует прежде всего о значительности романа Метьюрина и его актуальности для своего времени. Оно говорит о многогранности английского романтизма, о пестроте составляющих его компонентов. Сама возможность и эффективность сочетания их в одном произведении подтверждает, что различие между всеми этими столь, казалось бы, не похожими друг на друга сторонами не следует абсолютизировать и на основании этого различия отрицать существенное единство романтического движения в литературе.

Принципиально новый анализ «Мельмота-скитальца», предлагаемый в настоящем издании, позволяет не только прочесть его в широком контексте, но и лучше понять теоретические основы романтизма и закономерность его воздействия на формирование реалистической школы.

Н. ДЯКОНОВА